
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-65-81
УДК 297:322(520) "12/20"

Поступила: 22.12.2025г.
Сдана на рецензию: 26.12.2025г.
Подписана к печати: 17.01.2026г.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА МЕЖДУНАРОДНЫМИ СУДАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИХ ПОЛНОМОЧИЙ

С.Р. Карташян

*Российско-Армянский университет
s.kartashyan@gmail.com
ORCID: 0009-0008-9263-337X*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу институциональных моделей региональных судебных механизмов защиты прав человека – и европейской, межамериканской и африканской систем. На основе сопоставления их нормативных основ и институциональной архитектуры исследуются ключевые параметры функционирования соответствующих судов, включая порядок рассмотрения индивидуальных жалоб, консультативную юрисдикцию и механизмы контроля за исполнением судебных решений. Особое внимание уделяется выявлению концептуальных различий в подходах к судебной защите прав человека, обусловленных историко-политическим развитием регионов. Анализ позволяет выявить структурные и концептуальные различия в функционировании региональных правозащитных механизмов, отражающие специфику региональных правовых традиций и различные подходы к обеспечению баланса между правами личности, общественными интересами и государственным суверенитетом.

Ключевые слова: права человека, международные суды, сравнительное правоведение, юрисдикция, судебная защита.

Помимо универсальных механизмов защиты прав человека, функционирующих в системе Организации Объединенных Наций, в различных регионах мира сформировались собственные системы международного судебного контроля. Европейская, межамериканская и африканская системы защиты прав человека представляют собой наиболее развитые институциональные модели регионализации международного правосудия. Их деятельность обеспечивает

судебную защиту прав и свобод личности на основе международных договоров и специализированных судебных институтов, формируя важный уровень многоуровневой системы международной защиты прав человека.

Формирование региональных механизмов защиты прав человека стало одним из ключевых этапов развития международного права после Второй мировой войны [1]. Универсальные стандарты, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года [2], и последующих международных договорах, постепенно дополнялись региональными механизмами их реализации, обладающими более высокой степенью институциональной эффективности. Региональные суды по правам человека обеспечивают не только индивидуальную защиту, но и формируют авторитетное толкование международных норм, способствуя унификации стандартов прав человека и развитию национальных правовых систем.

В современной научной доктрине региональные суды все чаще рассматриваются не только как органы разрешения международных споров, но и как важные элементы многоуровневой системы правового регулирования [3]. Их деятельность выходит за рамки классической судебной функции и включает формирование нормативных стандартов [4], развитие доктрины прав человека и институциональное взаимодействие с национальными судами [5]. В этой связи в научной литературе все чаще используется концепция «конституционализации международного права» [6], в рамках которой международные судебные органы выступают в качестве квазиконституционных институтов глобального правового порядка.

Несмотря на общую нормативную основу, сформированную универсальными стандартами международного права прав человека, региональные системы существенно различаются по своей институциональной архитектуре, объему юрисдикции и механизмам реализации судебных решений.

Европейская система характеризуется высокой степенью институциональной интеграции и универсальностью юрисдикции суда; межамериканская система сочетает судебный механизм с развитой квазисудебной процедурой в рамках деятельности комиссии; африканская система интегрирует индивидуальные и коллективные права народов и сохраняет более гибкую модель признания юрисдикции суда.

В этой связи сравнительное исследование полномочий региональных судов приобретает особое значение для понимания современных тенденций развития международного правосудия в области прав человека. Анализ институциональной структуры, консультативной юрисдикции, условий обращения и механизмов исполнения решений позволяет выявить как общие закономерности функционирования региональных систем, так и их концептуальные различия.

Цель настоящего исследования состоит в сравнительном анализе полномочий региональных судов по правам человека и выявлении институциональных особенностей европейской, межамериканской и африканской моделей международного судебного контроля. Для достижения поставленной цели в статье используются методы сравнительно-правового анализа, институционального исследования и анализа судебной практики международных судов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном рассмотрении консультативной юрисдикции, механизмов доступа к правосудию, применения временных мер и процедур исполнения решений региональных судов. Такой подход позволяет рассматривать региональные правозащитные механизмы не только как отдельные институциональные системы, но и как взаимосвязанные элементы формирующейся многоуровневой системы международной защиты прав человека.

Наиболее институционально развитой из региональных систем по праву признается европейская модель, основанная на Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее: Европейская конвенция), которая была подписана 4 ноября 1950 года в Риме и вступила в силу 3 сентября 1953 года [7]. В настоящее время ее участниками являются 46 государств, что свидетельствует о практически панъевропейском охвате и высокой степени нормативной унификации стандартов защиты прав человека.

Развитие идеи принятия Европейской конвенции происходило в сложной международно-политической обстановке послевоенного периода. К моменту ее разработки уже была принята Всеобщая декларация прав человека, провозгласившая универсальные стандарты прав и свобод. И в научных и дипломатических кругах высказывались сомнения относительно необходимости создания дополнительного – регионального механизма защиты, способного дублировать универсальные инструменты системы Организации Объединенных Наций [8].

Вместе с тем уже на раннем этапе становления международной системы защиты прав человека стало очевидно, что универсальные стандарты нуждаются в институциональных механизмах их реализации на региональном уровне [9]. В этом контексте получила развитие идея формирования европейской системы защиты прав человека, политико-правовой основой которой стало учреждение Совета Европы, создавшее предпосылки для формирования этого уникального механизма коллективных гарантий.

Первоначальная институциональная модель включала трехзвенную структуру: Европейскую комиссию по правам человека, Европейский суд по правам человека (далее- Европейский суд) и Комитет министров Совета Европы. Существенная трансформация системы произошла с принятием в 1994 году и вступлением в силу 1 ноября 1998 года Протокола № 11 [10], который упразднил Европейскую комиссию по правам человека и создал постоянно действующий Европейский суд с обязательной юрисдикцией и правом индивидуальной жалобы.

Дальнейшие реформы: Протоколы № 14, № 15 и № 16, были направлены на повышение процессуальной эффективности, усиление принципа subsidiarity и развитие консультативной функции Европейского суда.

Центральным органом системы сегодня выступает Европейский суд, который эволюционировал от классического международного судебного органа к квази-конституционному трибуналу многоуровневой системы защиты прав. Его юриспруденция носит прецедентный характер и оказывает нормативное влияние на национальные правовые порядки государств-участников. Европейский суд не ограничивается констатацией факта нарушения, но формирует стандарты толкования Европейской конвенции, применяя доктрину «живого инструмента», принцип пропорциональности и концепцию «предела усмотрения» государств [11].

Европейская система трансформировалась в интегрированный механизм наднационального судебного контроля, сочетающий международно-правовую природу с элементами конституционной юрисдикции, что делает ее наиболее институционально зрелой и эффективной среди региональных систем защиты прав человека.

После анализа институциональной конструкции и нормативной основы европейской системы защиты прав человека целесообразно обратиться к межамериканской модели, которая формировалась в ином историко-правовом контексте и характеризуется собственной спецификой источников и механизмов реализации. Сравнительное рассмотрение этих систем позволяет выявить как общие тенденции регионализации международной защиты прав человека, так и концептуальные различия в их юридической архитектуре.

Процесс институционализации международного контроля за соблюдением прав человека происходил и в американском регионе, где в рамках Организации американских государств (ОАГ), учрежденной 30 апреля 1948 года, была сформирована межамериканская система защиты прав человека. Ее фундамент составляют Устав Организации американских государств [12], Американская декларация прав и обязанностей человека (далее: Американская декларация) [13] и Американская конвенция о правах человека (далее: Американская конвенция) [14]. Примечательно, что Американская декларация была принята даже раньше, чем Всеобщая декларация прав человека.

Устав ОАГ закрепляет общий принцип уважения прав человека как одну из целей организации, однако не содержит развернутого каталога прав и не учреждает полноценного судебного механизма их защиты. Более детализированное нормативное регулирование было сформировано Американской декларацией, которая рассматривается в научной литературе как первый международно-правовой акт современного права прав человека на региональном уровне [15].

В отличие от европейских инструментов, данный документ включает не только каталог прав, но и комплекс обязанностей личности перед обществом,

семьей и государством, в частности обязанность подчиняться закону, платить налоги, трудиться и участвовать в общественной жизни, что отражает характерную для межамериканской правовой традиции концепцию баланса прав и обязанностей.

Институциональное оформление системы происходило постепенно. В 1959 году в рамках ОАГ была создана Межамериканская комиссия по правам человека (далее: Межамериканская комиссия), первоначально действовавшая преимущественно на основе Американской декларации. Межамериканская комиссия стала квазисудебным органом, уполномоченным рассматривать индивидуальные петиции, проводить расследования и подготавливать доклады о положении прав человека в государствах региона [16].

Качественный этап развития связан с принятием Американской конвенции, которая не только закрепила юридически обязательный каталог гражданских и политических прав, но и предусмотрела создание судебного органа – Межамериканского суда по правам человека (далее: Межамериканский суд), который начал функционировать в 1979 году.

Межамериканский суд осуществляет как спорную, так и консультативную юрисдикцию, рассматривая дела о нарушениях Американской конвенции и предоставляя консультативные заключения по вопросам толкования межамериканских договоров в области прав человека.

Особенностью институциональной конструкции межамериканской системы является ее двухуровневая модель, в рамках которой центральную роль в иницировании производства играет Межамериканская комиссия, уполномоченная рассматривать индивидуальные петиции и передавать дела на рассмотрение Межамериканского суда. В Межамериканский суд прямо могут обращаться только государства-участники и Межамериканская комиссия, тогда как в европейской системе действует право индивидуальной жалобы.

Если европейская система отличается высокой степенью институционального развития и обеспечивает индивидам прямой доступ к правосудию, то межамериканская сохраняет двухзвенную структуру, где Межамериканская комиссия выступает обязательным процессуальным фильтром. Указанные различия обусловлены как историческими условиями формирования соответствующих региональных систем, так и особенностями их институциональной эволюции, что определяет специфику осуществления судебного контроля за соблюдением прав человека в каждом из регионов.

Если европейская и межамериканская системы сформировались в рамках различных, но институционально сопоставимых моделей, то африканская система развивалась в принципиально ином историко-политическом контексте. Ее становление было неразрывно связано с процессами деколонизации, пан-африканизмом и поиском собственных нормативных оснований.

Антиколониальная борьба также подтолкнула к идее развития региональной системы защиты прав человека. На Пятом Panaфриканском конгрессе в Манчестере (1945г.) были сформулированы требования самоопределения и ликвидации дискриминации [17]. Важным этапом стал Конгресс африканских юристов в Лагосе (1961 г.), где впервые прозвучал призыв к созданию регионального правозащитного суда. Однако в первые десятилетия работы Организации африканского единства приоритет государственного суверенитета сдерживал создание наднациональных механизмов.

В результате сформировалась самобытная региональная модель защиты прав человека, оформленная в институциональных рамках Организации африканского единства (ныне – Африканский союз), которая была создана 25 мая 1963 года в Аддис-Абебе.

Перелом произошел в 1979 году на встрече глав государств Организации африканского единства в Монровии, результатом которой стала разработка и принятие в 1981 году Африканской хартии прав человека и народов, также известна как Банжунская хартия (далее: Африканская хартия) [18].

Уникальность нормативной модели Африканской хартии заключается в синтезе универсальных стандартов международного права прав человека и африканских правовых традиций. К числу ее ключевых особенностей относится одновременное закрепление прав индивидов и «прав народов», включая право на самоопределение, развитие и распоряжение природными ресурсами. Существенной характеристикой Африканской хартии является также принцип единства прав и обязанностей: в отличие от многих западных правозащитных инструментов, она фиксирует обязанности личности перед семьей, обществом и государством (ст. 27–29).

В отличие от европейской и межамериканской систем, где судебный механизм защиты прав человека был сформирован на относительно раннем этапе, африканская модель первоначально функционировала преимущественно в форме квазисудебного контроля через Африканскую комиссию по правам человека и народов (далее- Африканская комиссия), учрежденную в 1987 году.

На более позднем этапе, в соответствии со статьей 1 Протокола к Африканской хартии, был создан Африканский суд по правам человека и народов (далее-Африканский суд). Протокол об учреждении Африканского суда был принят 9 июня 1998 года в Уагадугу, Буркина-Фасо, и вступил в силу 25 января 2004 года после ратификации 15 африканскими государствами, как это предусмотрено его статьей 34 (3) [19].

Однако, в отличие от европейского аналога, компетенция Африканского суда в отношении жалоб индивидов и неправительственных организаций является факультативной. Согласно ст. 34 (6) Протокола, такие жалобы допустимы только в случае специального заявления государства-ответчика о признании данной компетенции Африканского суда. На сегодняшний день таких

заявлений сделано менее десяти, что существенно ограничивает доступ индивидов к правосудию по сравнению с Европейским судом. Следует также отметить, что в последние годы наблюдается негативная тенденция к отзыву государствами заявлений о признании права индивидов на прямое обращение в Африканский суд. Так, Руанда (2016), Танзания (2019), Бенин (2020), Кот-д'Ивуар (2020) и Тунис (2025) [20] отзывали соответствующие заявления, что существенно ограничило доступ индивидуальных заявителей к международному правосудию в африканской системе защиты прав человека.

Африканская система защиты прав человека формирует самостоятельную модель региональной правозащитной архитектуры, в которой коллективные интересы народов и право на развитие интегрированы с индивидуальными свободами. Тем самым она представляет собой особый нормативный и институциональный подход, отличающийся от европейской и межамериканской систем как своей правовой философией, так и институциональными механизмами реализации международного судебного контроля.

Одним из важных аспектов компетенции международных судебных органов в области защиты прав человека является их консультативная юрисдикция. Они выполняют также функцию авторитетного толкования международно-правовых норм, обеспечивая единообразное понимание и применение договорных обязательств государств. Консультативные заключения позволяют формировать превентивные стандарты правозащитной практики, способствуют развитию международной доктрины прав человека и укрепляют взаимодействие между международными и национальными правовыми системами. Вместе с тем объем и характер консультативных полномочий региональных судов существенно различаются. В европейской, межамериканской и африканской системах защиты прав человека сформировались различные модели реализации консультативной юрисдикции, отражающие особенности институционального развития соответствующих региональных механизмов.

Консультативная юрисдикция Европейского суда формировалась постепенно. В первоначальной редакции Европейской конвенции не предусматривалось право Суда выносить консультативные заключения. Соответствующее полномочие было введено лишь Протоколом № 2 [21], который наделил Суд возможностью давать консультативные заключения по вопросам толкования Конвенции по запросу Комитета министров Совета Европы.

Качественно новый этап институциональной эволюции европейской системы связан с вступлением в силу в 2018 году Протокола № 16 [22] к Европейской конвенции. Данный документ существенно трансформировал модель взаимодействия между национальными судами и Европейским судом в Страсбурге, институционализовав механизм превентивного судебного диалога.

Согласно Протоколу №16, право обращаться за консультативными заключениями предоставлено исключительно высшим судам и трибуналам государств-участников. Запрос возможен лишь в рамках конкретного дела и должен касаться принципиальных вопросов толкования или применения прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции. Консультативные заключения выносятся Большой палатой Европейского суда и формально не обладают обязательной юридической силой, однако их авторитет и фактическое нормативное воздействие придают им значительный прецедентный вес.

Механизм консультативных заключений тесно связан с принципом субсидиарности, закрепленным также Протоколом № 15 [23]. Если данный протокол подтвердил первичную ответственность национальных органов за соблюдение Европейской конвенции, то Протокол № 16 предоставил процессуальный инструмент реализации этой ответственности.

Национальные суды выступают как «первичные гаранты» конвенционных прав, получая возможность уточнить содержание международных стандартов до вынесения окончательного решения. Одной из целей внедрения данного механизма стало снижение нагрузки на Европейский суд. Консультативная процедура направлена на предотвращение системных и повторяющихся нарушений и способствует унификации правоприменительной практики в государствах Европы.

В отличие от европейской модели, консультативная юрисдикция Межамериканского суда изначально носит значительно более широкий характер. Согласно статье 64 Американской конвенции, государства – члены ОАГ, Межамериканская комиссия, а также другие органы ОАГ вправе запрашивать у Межамериканского суда консультативные заключения.

Консультативная юрисдикция межамериканской модели используется как основной инструмент правовой эволюции. Консультативные заключения Межамериканского суда охватывают широкий спектр вопросов, включая права ребенка, защиту мигрантов, гендерную идентичность и однополые браки, а также экологические обязательства в отношении трансграничного вреда [24]. Эти заключения часто предвосхищают последующие спорные судебные разбирательства и оказывают глубокое влияние на национальные правовые системы.

После длительных периодов авторитарных режимов и системных нарушений прав человека консультативная функция также стала инструментом укрепления демократических институтов и унификации правовых стандартов.

Консультативная юрисдикция Межамериканского суда выступает не вспомогательным, а стратегическим механизмом развития регионального правового порядка.

В африканской системе консультативная юрисдикция Африканского суда также играет важную роль, однако ее институциональная модель отличается как от европейской, так и от межамериканской.

Согласно Протоколу 1998 года к Африканской хартии, право запрашивать консультативные заключения предоставлено государствам – членам Африканского союза, самому Африканскому союзу, его органам, а также африканским межправительственным организациям.

Предмет консультативной юрисдикции охватывает вопросы толкования Хартии и иных международных договоров в области прав человека, применимых в Африке. При этом, в отличие от европейской системы, запросы могут подаваться не только судами, но и различными межгосударственными институтами.

Практика консультативных заключений африканского суда пока остается сравнительно ограниченной, что объясняется более поздним формированием судебного механизма. Тем не менее данный инструмент постепенно приобретает значение в процессе институционального укрепления региональной системы и формировании единых стандартов толкования Африканской хартии.

В сравнительном анализе региональных систем защиты прав человека особое значение имеет порядок обращения в международные суды и роль процессуальных фильтров, обеспечивающих допустимость индивидуальных жалоб.

В межамериканской системе ключевую роль на первоначальной стадии производства играет Межамериканская комиссия, которая наделена широкими полномочиями по приему и предварительному рассмотрению индивидуальных петиций. Ее члены избираются Генеральной Ассамблеей ОАГ сроком на четыре года с возможностью однократного переизбрания.

Комиссия осуществляет фильтрацию жалоб, запрашивает у государств необходимую информацию, проводит расследования и может способствовать достижению дружественного урегулирования. В случае отсутствия соглашения Межамериканская комиссия вправе передать дело в Межамериканский суд, при условии что соответствующее государство признало его юрисдикцию.

Современная доктрина рассматривает Межамериканскую комиссию не как дублирующий орган, а как самостоятельный квазисудебный институт, выполняющий функцию процессуального фильтра и представляющий интересы заявителей в производстве перед Межамериканским судом.

В европейской системе после вступления в силу Протокола № 11 функции бывшей Европейской комиссии были интегрированы в структуру Европейского суда по правам человека. Эта институциональная реформа была направлена на упрощение процедуры обращения и обеспечение прямого доступа заявителей к Европейскому суду.

В отличие от межамериканской модели, европейская система функционирует как однозвенный судебный механизм. Фильтрационная функция реализуется внутри самого Европейского суда через процедуры предварительного рассмотрения: единоличным судьей, комитетами из трех судей, а также посредством применения критерия «значительного ущерба».

В африканской системе процедура обращения в суд носит более сложный и ограниченный характер. Первоначально контроль за соблюдением Африканской хартии осуществлялся Африканской комиссией, обладающей квази-судебными полномочиями по рассмотрению индивидуальных сообщений.

С созданием Африканского суда в соответствии с Протоколом 1998 года к Африканской хартии система приобрела судебный элемент. Однако доступ к Африканскому суду остается более ограниченным, чем в европейской системе: индивидуальные заявители и неправительственные организации могут обращаться непосредственно в Африканский суд лишь при условии, что соответствующее государство сделало специальное заявление о признании такой юрисдикции. В противном случае дела передаются в Африканский Суд через Африканскую комиссию.

Временные меры играют важную роль в обеспечении эффективности международной защиты прав человека, позволяя предотвратить причинение невосполнимого ущерба заявителям до вынесения окончательного решения.

В межамериканской системе правовая основа временных мер закреплена в статье 63(2) Американской конвенции. Межамериканский суд вправе по собственной инициативе либо по просьбе стороны предписывать государствам принять срочные меры защиты.

В практике Суда временные меры нередко приобретают структурный характер и применяются для защиты целых групп лиц – например, правозащитников, журналистов или представителей коренных народов. Это придает данным мерам значительное системное значение в развитии межамериканской системы.

В европейской системе временные меры регулируются Правилом 39 Регламента Европейского суда. После постановления Суда по делу “*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*” [25] невыполнение государством временных мер было признано нарушением статьи 34 Европейской конвенции о правах человека, что придало данным мерам обязательный характер. В европейской практике они чаще применяются в индивидуальных делах, связанных с риском экстрадиции, депортации или применения пыток.

В африканской системе временные меры предусмотрены ст. 27(2) Протоколом о создании Африканского суда по правам человека и народов и Регламентом Суда. Хотя практика их применения пока менее обширна, данный инструмент постепенно обретает значимость в делах, касающихся защиты политических прав, избирательных процессов и свободы ассоциаций.

Как видно из вышеизложенного, сравнительный анализ показывает, что различия между европейской, межамериканской и африканской моделями обусловлены прежде всего их институциональной архитектурой и историческим контекстом развития.

Институциональные механизмы исполнения и контроля за реализацией постановлений в различных региональных системах имеют существенные различия. В европейской системе обязательность исполнения постановлений закреплена в статье 46 Европейской конвенции, согласно которой государства-участники обязуются исполнять окончательные постановления Европейского суда, в которых они являются сторонами. Особенностью данной модели является наличие института коллективного надзора: контроль за исполнением решений осуществляет Комитет министров Совета Европы. Комитет министров рассматривает планы действий государств, принимает промежуточные резолюции и, при необходимости, может инициировать процедуру установления факта неисполнения решения Суда. Таким образом, механизм исполнения решений в европейской системе сочетает судебный элемент с политико-институциональным контролем со стороны государств – членов организации.

В межамериканской системе обязательность исполнения решений закреплена в статье 68 Американской конвенции, согласно которой государства-участники обязуются выполнять решения Межамериканского суда, в которых они являются сторонами. При этом статья 62 Конвенции регулирует вопрос признания государством юрисдикции Суда. В отличие от европейской модели, контроль за исполнением решений осуществляется самим Судом посредством процедуры последующего мониторинга исполнения (*supervisión de cumplimiento*) [26].

Суд регулярно рассматривает отчеты государств о принятых мерах, проводит слушания и принимает специальные постановления о состоянии исполнения решений. Такая модель усиливает судебный характер механизма контроля и позволяет Суду активно участвовать в обеспечении реализации своих постановлений.

В африканской системе обязательность решений закреплена в статье 30 Протокола о создании Африканского суда, принятого в развитие Африканской хартии прав человека и народов. Государства – участники Протокола, обязуются исполнять решения Суда в делах, в которых они являются сторонами. Контроль за исполнением решений осуществляется посредством взаимодействия между Судом и политическими органами Африканского Союза, прежде всего, Исполнительным советом Африканского союза [27]. Суд направляет свои решения соответствующим органам Союза, которые осуществляют последующий мониторинг их реализации государствами. В отличие от межамериканской системы, судебный контроль за исполнением реше-

ний здесь выражен в меньшей степени, что отражает более межправительственный характер институциональной структуры африканского регионального механизма.

Существенные различия между региональными системами проявляются также в вопросе признания юрисдикции международных судов. В европейской системе участие государства в Совете Европы предполагает обязательное присоединение к Европейской конвенции и автоматическое признание юрисдикции Европейского суда. Таким образом, юрисдикция Суда имеет универсальный характер для всех государств – участников Конвенции, что обеспечивает высокий уровень единообразия правовых стандартов в европейском правовом пространстве.

В межамериканской системе ситуация иная. Не все государства – члены Организации американских государств – ратифицировали Американскую конвенцию, а признание юрисдикции Межамериканского суда осуществляется посредством отдельного заявления государства. Таким образом, судебная юрисдикция Суда носит факультативный характер [28]. Более того, практика денонсации Конвенции отдельными государствами продемонстрировала более гибкий и политически чувствительный характер участия государств в межамериканской системе.

Европейская и межамериканская системы защиты прав человека предусматривают право государств обращаться с жалобой против другого государства. Это является важным элементом юрисдикции региональных судов. Однако практика применения данного механизма в различных региональных системах существенно отличается.

В европейской системе межгосударственные жалобы предусмотрены статьей 33 Европейской конвенции. Европейский суд по правам человека сформировал достаточно обширную практику рассмотрения таких дел, включая споры между государствами, связанные с вооруженными конфликтами, территориальными вопросами и системными нарушениями прав человека, что свидетельствует о том, что межгосударственная процедура в европейской системе используется как инструмент международного судебного контроля за серьезными нарушениями прав человека.

В межамериканской системе возможность межгосударственных жалоб также предусмотрена статьей 45 Американской конвенции. Однако за весь период деятельности Межамериканского суда государства практически не прибегали к данному механизму. Основная масса дел рассматривается Межамериканским судом на основании индивидуальных петиций, передаваемых Межамериканской комиссией. Это отражает институциональную специфику межамериканской системы, в которой индивидуальная процедура стала центральным механизмом защиты прав человека.

В африканской системе межгосударственные жалобы также предусмотрены Африканской хартией. Первоначально такие сообщения рассматривались Африканской комиссией, а после создания Африканского суда появилась возможность передачи подобных дел в Африканский суд. Тем не менее практика межгосударственных споров в африканской системе остается крайне ограниченной, что связано как с политической чувствительностью подобных процедур, так и с преобладанием индивидуальных и коллективных сообщений в деятельности региональных механизмов.

Несмотря на формальное наличие межгосударственной процедуры во всех трех региональных системах, ее фактическое применение существенно различается. Европейская система демонстрирует наиболее развитую практику рассмотрения межгосударственных дел, тогда как в межамериканской и африканской системах данный механизм используется крайне редко, уступая по значению процедурам индивидуальных обращений.

Проведенный сравнительный анализ европейской, межамериканской и африканской региональных систем защиты прав человека позволяет сделать вывод о постепенной трансформации региональных судебных механизмов из классических международных органов разрешения споров в более сложные институты многоуровневого правового регулирования. Региональные суды выполняют значительную роль в формировании стандартов прав человека.

Эффективность региональных судов в долгосрочной перспективе будет зависеть не только от совершенства их процессуальных фильтров, но и от готовности государств рассматривать международное правосудие не как внешнее вмешательство, а как необходимый элемент национальной системы сдержек и противовесов.

Несмотря на общую нормативную основу, сформированную универсальными стандартами международного права прав человека, каждая из региональных систем выработала собственную институциональную модель судебного контроля. Европейская система отличается высокой степенью институциональной интеграции и универсальностью юрисдикции суда. Европейский суд функционирует как постоянно действующий международный судебный орган с прямым доступом индивидуальных заявителей и развитой системой процессуальных фильтров. Усиление принципа субсидиарности и введение консультативной процедуры в соответствии с Протоколом № 16 способствовали формированию более интенсивного судебного диалога между международными и национальными судами и укрепили превентивную функцию европейской системы защиты прав человека.

Межамериканская система, сформированная в рамках Организации американских государств, демонстрирует иную модель международного судебного контроля. Межамериканский суд обладает более широкой консультативной юрисдикцией и активно использует ее для развития региональных

стандартов защиты прав человека, стимулируя институциональные и законодательные реформы.

Африканская система защиты прав человека, как уже было отмечено, отражает уникальную нормативную базу, объединяющую индивидуальные права с коллективными «правами народов», включая права на самоопределение, развитие и контроль над природными ресурсами. Она также признает обязанности отдельных лиц перед обществом, тем самым внедряя общинную концепцию прав. Это не просто абстрактные черты. Они составляют нормативную основу модели, которая отличается от сильно индивидуалистической ориентации европейского права в области прав человека. Но на институциональном уровне эта нормативная черта африканской системы сопровождается структурными ограничениями. Доступ к правосудию для отдельных лиц и неправительственных организаций по-прежнему зависит от факультативных заявлений государства в соответствии со статьей 34 (6) Протокола. Ограниченное количество таких заявлений и их последующий отзыв Руандой, Танзанией, Бенином, Кот-д'Ивуаром и Тунисом подчеркивают сохраняющийся приоритет согласия государства и значительно ограничивают доступ к правосудию.

Развитие региональных судебных механизмов свидетельствует о формировании многоуровневой архитектуры международной защиты прав человека, в которой международные суды выступают не только как органы разрешения споров, но и как ключевые институты формирования правовых стандартов и координации взаимодействия между международными и национальными правовыми порядками. Перспективы дальнейшего развития этих систем будут во многом зависеть от их способности адаптироваться к новым вызовам, включая усиление политической поляризации, проблемы исполнения судебных решений и влияние современных конфликтов на функционирование международных правовых механизмов.

В конечном итоге будущее региональной защиты прав человека определяется не столько формальным объемом полномочий международных судов, сколько их способностью адаптироваться к новым политическим и правовым вызовам, сохраняя баланс между судебной автономией, принципом субсидиарности и эффективностью исполнения решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cançado Trindade A.A.* The Access of Individuals to International Justice. Oxford: "Oxford University Press", 2011. PP. 45–52.
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 (резолюция 217 А (III))] // Сборник международных договоров. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1949. СС. 1–7.
3. *Оганесян В.А.* Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка // "European and Asian Law Review". Т. 6. № 3. 2023. СС. 29–50.
4. *Helper L., Slaughter A.-M.* Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // "Yale Law Journal". Vol. 107. 1997. PP. 273–391.

5. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004. PP. 65-103.
6. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford: "Oxford University Press", 2009. PP. 1–17.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // "Council of Europe Treaty Series". № 005.
8. *Bates E.* The Evolution of the European Convention on Human Rights: From its Inception to the Creation of a Permanent Court of Human Rights. Oxford: "Oxford University Press", 2010.
9. *Wildhaber L.* The European Convention on Human Rights and International Law // International and Comparative Law Quarterly. 2007. Vol. 56. PP. 217–232.
10. Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby. Strasbourg, 11.V.1994 // "European Treaty Series". No. 155.
11. *Tyrer V. the United Kingdom.* Judgment of 25 April 1978; *Handyside v. the United Kingdom.* Judgment of 7 December 1976; *Sunday Times v. the United Kingdom.* Judgment of 26 April 1979.
12. Charter of the Organization of American States: [signed at Bogotá, 30 April 1948] // "Organization of American States Treaty Series". No. 1. OEA/Ser.A/2.
13. American Declaration of the Rights and Duties of Man: [adopted by the Ninth International Conference of American States, Bogotá, Colombia, 2 May 1948] // OEA/Ser.L.V/II.82 doc.6 rev.1. 1992. P. 17.
14. American Convention on Human Rights "Pact of San Jose, Costa Rica": [signed at San Jose, Costa Rica, 22 November 1969] // Organization of American States Treaty Series. No. 36.
15. *Shelton D.* Regional Protection of Human Rights. Oxford: "Oxford University Press".
16. *Buergenthal T., Shelton D.* Protecting Human Rights in the Americas: Cases and Materials. 5th ed. Kehl; Strasbourg: N.P. Engel, 2016.
17. *Nmeihelle V.O.O.* The African Human Rights System: Its Laws, Practice and Institutions. The Hague; London: Martinus Nijhoff, 2002. P. 68.
18. African Charter on Human Rights and Peoples' Rights (Banjul Charter): [adopted 27 June 1981; entered into force 21 October 1986].
19. Protocol to the African Charter on Human Rights and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights: [adopted 9 June 1998; entered into force 25 January 2004] // OAU Doc. OAU/LEG/MIN/AFCHPR/PROT (1) rev.2.
20. Отзыв Тунисом своей декларации по статье 34(6) Протокола к Африканской хартии прав человека и народов вступил в силу 7 марта 2026 года.
21. Protocol No. 2 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, conferring upon the European Court of Human Rights competence to give advisory opinions. Strasbourg, 6 May 1963 // "European Treaty Series". No. 044.
22. Protocol No. 16 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 2 October 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
23. Protocol No. 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24 June 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
24. Gender Identity, and Equality and Non-Discrimination of Same-Sex Couples, Advisory Opinion OC-24/17, IACtHR Series A No 24 (24 November 2017); The Environment and Human Rights, Advisory Opinion OC-23/17, IACtHR Series A No 23 (15 November 2017).

25. *Mamatkulov and Askarov V. Turkey* [GC], nos. 46827/99 and 46951/99 // “European Court of Human Rights”. Judgment of 4 February 2005.
26. *Pasqualucci J.* The Practice and Procedure of the Inter-American Court of Human Rights. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2013.
27. *Viljoen F.* International Human Rights Law in Africa. 2nd ed. Oxford: “Oxford University Press”, 2012.
28. *Burgorgue-Larsen L., Úbeda de Torres A.* The Inter-American Court of Human Rights: Case Law and Commentary. Oxford: “Oxford University Press”, 2011.

REFERENCES

1. *Cançado Trindade A.A.* The Access of Individuals to International Justice. Oxford: “Oxford University Press”, 2011. PP. 45–52.
2. Universal Declaration of Human Rights. [adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948 (resolution 217 A (III))] // “Collection of international treaties”. New York. Organization of the United Nations, 1949. PP. 1–7.
3. *Hovhannisian V.* Contemporary Issues of International Law in the Context of Changing World Order. “European and Asian Law Review”, 6 (3). 2023. PP. 29–50.
4. *Helper L.R., Slaughter A.-M.* Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // “Yale Law Journal”. Vol. 107. 1997. PP. 273–391.
5. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004. PP. 65–103.
6. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford: “Oxford University Press”, 2009. PP. 1–17.
7. Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // “Council of Europe Treaty Series”. No. 005.
8. *Bates E.* The Evolution of the European Convention on Human Rights: From its Inception to the Creation of a Permanent Court of Human Rights. Oxford: “Oxford University Press”, 2010.
9. *Wildhaber L.* The European Convention on Human Rights and International Law // “International and Comparative Law Quarterly”. Vol. 56. 2007. PP. 217–232.
10. Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby. Strasbourg, 11.V.1994 // “European Treaty Series”. No. 155.
11. *Tyrer V. the United Kingdom.* Judgment of 25 April 1978; *Handyside v. the United Kingdom.* Judgment of 7 December 1976; *Sunday Times v. the United Kingdom.* Judgment of 26 April 1979.
12. Charter of the Organization of American States: [signed at Bogotá, 30 April 1948] // “Organization of American States Treaty Series”. No. 1. OEA/Ser.A/2.
13. American Declaration of the Rights and Duties of Man: [adopted by the Ninth International Conference of American States, Bogotá, Colombia, 2 May 1948] // OEA/Ser.L.V/II.82 doc.6 rev.1. 1992. P. 17.
14. American Convention on Human Rights “Pact of San Jose, Costa Rica”: [signed at San Jose, Costa Rica, 22 November 1969] // “Organization of American States Treaty Series”. No. 36.
15. *Shelton D.* Regional Protection of Human Rights. Oxford: “Oxford University Press”.
16. *Buergethal T., Shelton D.* Protecting Human Rights in the Americas: Cases and Materials. 5th ed. Kehl; Strasbourg: N.P. Engel, 2016.
17. *Nmehielle V.O.O.* The African Human Rights System: Its Laws, Practice and Institutions. The Hague; London: “Martinus Nijhoff”, 2002. P. 68.

18. African Charter on Human Rights and Peoples' Rights (Banjul Charter): [adopted 27 June 1981; entered into force 21 October 1986].
19. Protocol to the African Charter on Human Rights and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights: [adopted 9 June 1998; entered into force 25 January 2004] // OAU Doc. OAU/LEG/MIN/AFCHPR/PROT (1) rev.2.
20. Tunisia's withdrawal from its declaration under Article 34(6) of the Protocol to the African Charter on Human and People's Rights entered into force on March 7, 2026.
21. Protocol No. 2 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, conferring upon the European Court of Human Rights competence to give advisory opinions. Strasbourg, 6 May 1963 // "European Treaty Series". No. 044.
22. Protocol No. 16 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 2 October 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
23. Protocol No. 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24 June 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
24. Gender Identity, and Equality and Non-Discrimination of Same-Sex Couples, Advisory Opinion OC-24/17, IACtHR Series A No 24 (24 November 2017); The Environment and Human Rights, Advisory Opinion OC-23/17, IACtHR Series A No 23 (15 November 2017).
25. *Mamatkulov and Askarov V. Turkey* [GC], nos. 46827/99 and 46951/99 // "European Court of Human Rights". Judgment of 4 February 2005.
26. *Pasqualucci J.* The Practice and Procedure of the Inter-American Court of Human Rights. Cambridge: "Cambridge University Press", 2013.
27. *Viljoen F.* International Human Rights Law in Africa. 2nd ed. Oxford: "Oxford University Press", 2012.
28. *Burgogue-Larsen L., Úbeda de Torres A.* The Inter-American Court of Human Rights: Case Law and Commentary. Oxford: "Oxford University Press", 2011.

HUMAN RIGHTS PROTECTION BY INTERNATIONAL COURTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THEIR JURISDICTION AND POWERS

S. Kartashyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article presents a comprehensive comparative legal analysis of the institutional models of regional judicial human rights protection mechanisms – the European, Inter-American, and African systems. Through a comparative examination of their normative foundations and institutional architecture, the study explores key aspects of the functioning of the respective courts, including the procedures governing individual applications, advisory jurisdiction, and mechanisms for supervising the execution of judicial decisions. Particular attention is devoted to identifying conceptual differences in approaches to judicial protection of human rights shaped by the historical and political development of the regions. The analysis reveals structural and conceptual divergences in the functioning of regional human rights mechanisms, reflecting the specific features of regional legal traditions and differing approaches to balancing individual rights, public interests, and state sovereignty.

Keywords: human rights, international courts, comparative law, jurisdiction, judicial protection.